

— Катя!

Она так резко обернулась, что сумка с силой стукнула о железный косяк подъездной двери. Бутылка дорогого вина внутри, которую она так бережно несла всю дорогу, должно быть, разбилась. Но она не стала это проверять — почему-то дыхание у нее пресеклось, а сердце длинно, противно екнуло. Да, она считала возможным, что когда-нибудь снова повстречает этого человека — человека, который не так давно, просто так, походя, разбил ее сердце. Разбил точно так же, как она сейчас эту несчастную бутылку, с которой связывала самые приятные надежды на вечер. Но... Лучше, чтобы они повстречались не сейчас. Не сегодня. И не на этой неделе. И не в этом месяце, и даже не в этом году... Говоря по совести, она больше никогда в жизни не хотела бы его видеть!

— Ты спешишь?

— Очень, — сказала Катя Скрипковская, но почему-то не сделала ни шагу в сторону своей квартиры. Ноги, которые не подводили ее никогда — даже в погоне за преступниками, — сейчас вдруг отказались двигаться.

— А я тебя здесь ждал.

— Зачем?

Когда-то, очень давно, она его тоже ждала. Здесь. День за днем, месяц за месяцем... Нет, даже не так: минута за минутой. Она прекрасно помнила, как тянулись эти минуты... такие долгие, что от рассвета до заката проходил не день — год. И следующая за таким днем ночь была еще одним годом. И как мучительно болело сердце... Тогда она и поняла, что значит выражение «разбить сердце». Этот человек и в самом деле разбил ее сердце. Хотя оказалось, что оно разбито не навсегда — напрасно она так думала. Просто очень долго заживало. Пять лет. И еще немного. Но потом... потом все прошло. Однако она все равно не хотела бы с ним встречаться. Никогда. Да, это как раз самое подходящее слово: никогда!

— Ну... повидаться захотелось. По старой дружбе.

— Дружба наша, Леша, закончилась много лет назад.

— Ты так думаешь?

Пользуясь растерянностью, он взял ее руку, легонько сжал пальцы, поднес к губам и поцеловал:

— Здравствуй, Катя...

Это уж ни в какие ворота не лезло!

— У меня руки грязные. — Она выдернула руку и сунула ее в карман.

— А ты изменилась. — Мужчина оценивающим взглядом окинул ее всю — от удобных, но безусловно элегантных и дорогих босоножек до ухоженных волос, которые снова отросли. Впрочем, он о ней ничего не знал уже очень давно и не видел, как она менялась. А она менялась, причем очень сильно: не только внешне, но больше внутренне.

Машинально Катя поправила волосы — и этот жест выдал ее волнение. Так поправляют волосы те женщины, которые хотят нравиться. Но она не хотела нравиться Лешке! Не хотела нравиться, не хотела, чтобы он сейчас стоял у того самого подъезда, под фонарем которого впервые ее поцеловал... запустив руки в те самые волосы, которые два года назад ей безжалостно обрили наголо, когда она едва не погибла от нанесенного молотком удара.

Впрочем, ему, кажется, никогда не нравились рыжие, да и к длинным ее кудрям он был совершенно равнодушен. После выздоровления она еще долго носила короткую стрижку — и именно тогда поняла, что разлюбила человека, который сейчас так галантно поцеловал ее пальцы. Разлюбила окончательно и навсегда. Память о нем как будто срезали вместе с волосами. У нее началась новая жизнь — и Лешке уже не было в ней места... наверное, к счастью. Потому что она снова влюбилась. Но на этот раз ее чувства были взаимны. А ее вновь отросшие волосы теперь помнили пальцы другого человека. Который действительно любил ее, а не ломал комедию, как когда-то ее драгоценный Лешенька! Она брезгливо отерла пальцы о носовой платок в кармане.

— Очень красивая... Еще красивее стала, — поправился нежданный визитер. — К себе не пригласишь?

— Нет, — сухо сказала Катя. — Не приглашу.

— Тогда я тебя приглашаю. Давай сходим куда-нибудь, посидим?

— Зачем?

— Ну... вспомним молодость...

— А я еще не старуха, чтобы молодость вспоминать! — Катя наконец нашла в себе силы и посмотрела мужчине прямо в лицо.

Вот *он* нисколько не изменился. Все тот же открытый взгляд серых ласковых глаз, густые, словно слегка взъерошенные волосы, мальчишеская улыбка... Ну, на эту улыбку ее уже не поймать! Слишком хорошо она знает ей цену. И в его глаза она больше смотреть не станет. Потому что там, в этих глазах, даже сейчас еще слишком много воспоминаний... и ей ни к чему снова заглядывать туда. Молодость? Она была тогда не молодой, а просто желторотой. Глупой. Доверчивой. Восторженной. Влюбленной как... как... как кошка! — припечатала Катя про себя. «Да, я была влюблена в него, как кошка!» До неприличия. До полного самозабвения. Бегала за ним. Вешалась на шею. Была слепой, глухой и... просто дурой.

Ни к чему снова терзать себе душу. К тому же она помнила, как было мучительно больно... и как долго заживала эта рана... Да и зажила ли она совсем, если даже сейчас его появление вызвало такой шквал чувств?

— Я хотел сказать — нашу с тобой студенческую юность... столько хорошего у нас...

— Ты зачем явился? — не дослушав дурацкой фразы про хорошее, которое у них якобы было, в упор спросила она.

— Ну... мне казалось, что мы с тобой еще не все друг другу сказали! — Он многозначительно искривил губы; в уголке рта, очень красивого рта, заиграла ямочка.

Его губы немного загибалась кончиками вверх, отчего казалось, что он вот-вот улыбнется. Катя еще помнила и эти губы, и эту улыбку. Иногда она даже снилась ей. Вместе с его поцелуями. Слава богу, в последние два года эти сны ее больше не тревожили. Они уже не были нужны ей, его поцелуи... совсем не нужны. О них ей теперь хотелось забыть.

— Так я тебя подожду? Или все-таки поднимемся к тебе?

— Ждать меня не нужно. И у меня тебе тоже делать нечего. Да и сказали мы друг другу уже все.

— Зачем ты так... Я очень часто мысленно беседовал с тобой. Я так много хотел рассказать тебе, Катюш...

— Меньше всего мне хочется разговаривать именно с тобой, — устало перебила визитера Катя. — И если тебе чего-то там кажется, ты крестись, Леш. Еще можешь «Отче наш» прочесть. Говорят, очень помогает. А сейчас, пожалуйста, пропусти меня.

Он подвинулся всего чуть-чуть, приоткрывая проход, но она не пошла на эту уловку, понимая, что он поймает ее в дверях. Его объятия, некогда столь желанные, теперь казались ей омерзительными.

— Отойди от двери, — приказала она. Голос ее не дрогнул. Или все-таки предательски дрогнул? Скорее второе, потому что Лешка вдруг развеселился:

— А то что, применишь табельное оружие? — Глаза смотрели на нее с нескрываемым интересом, губы готовились расплыться в знакомой лукавой улыбке.

Вот теперь она действительно разозлилась.

— Пошел вон! — сказала она грубо и хлопнула дверью так, что едва не отдала нежданному гостю пальцы.

* * *

— Ты чего такая взъерошенная? — ласково спросил Тим, приподнимая пышные рыжие волосы и целуя Катю в свое любимое место на шее — там, где завитки были почти каштанового цвета, с сильным блеском и посверкивающими золотыми искрами.

Ей повезло — бутылка не разбилась. Хотя отбивные и пригорели, когда она, задумавшись, стояла у окна и, не чувствуя запахов и звуков, погружалась все глубже и глубже в прошлое. В прошлое, будь оно проклято! Как будто это прошлое мешало ей сейчас, сегодня любить Тима... Но, оказывается, мешало! И еще как!

— Я никогда не спрашиваю, что у тебя там, на твоей работе, я просто хочу, чтобы ты расслабилась...

И она расслабилась. По крайней мере честно попыталась. Но в то время, когда большая часть ее «я» всецело отдалась воле любимых рук, где-то в глубине оставалось местечко, которое было сжато, как пружина, напряжено, закрыто, захлопнуто, наглухо задвинуто засовом... И как она ни старалась открыться, как ни пыталась полностью слиться с Тимом, с которым у нее всегда получалось, все приходило само собой — и восторг слияния, и полное раскрепощение с последующим огненным взрывом, после которого она чувствовала себя и опустошенной, и наполненной какой-то новой радостью одновременно, но...

Имитировать оргазм — противная штука. Потому что ты не только обманываешь другого, но та, казалось бы, мизерная часть, что осталась недоступной для любимого, неимоверно разрастается, завладевает всем, грозя стать полноправной и единственной. Превратиться в Катю. Другую Катю. Из другой жизни...

Она осторожно высвободилась из рук Тима и откинулась на подушки. Во всем, что касалось их отношений, он тоже обладал повышенной чувствительностью, и сейчас не то чтобы почувствовал обман — скорее ощутил, что она нуждается в каком-то другом утешении, чем нехитрая постельная игра. Он перебирал пальцами ее густые волосы, зная, как ей это нравится, а она лежала у него на груди и слушала, как бьется его сердце... Это всегда ее успокаивало. Сердце Тима, голос Тима, глаза, лицо... такие родные — и такие непохожие на те, с которыми ей пришлось столкнуться сегодня.

Тим казался ей родным всегда — с того самого первого мига, когда она, очнувшись после многодневного забытья,